

ПАРАДОКСЫ РУССКОЙ ИСТОРИИ

ЛЕОНИД МИЛОВ
АНДРЕЙ ПАРШЕВ

ПОЧЕМУ
РОССИЯ
НЕ СТАЛА
ЕВРОПОЙ

Парадоксы русской истории

Андрей Паршев

Почему Россия не стала Европой

«Алисторус»

УДК 355/359
ББК 63.3

Паршев А. П.

Почему Россия не стала Европой / А. П. Паршев — «Алисторус»,
— (Парадоксы русской истории)

ISBN 978-5-906817-69-3

Леонид Васильевич Милов был профессором исторического факультета МГУ, академиком РАН. Андрей Петрович Паршев — российский публицист, автор известных в России книг «Почему Россия не Америка», «Почему Америка наступает». Л.В. Милов и А.П. Паршев первыми среди российских исследователей обратились к важнейшим вопросам российской истории, ускользавшим до сих пор по тем или иным причинам от внимания ученых-историков. Основная заслуга авторов в том, что им удалось выявить влияние природно-климатического фактора на экономику России, социальный строй и российскую государственность в целом, то есть речь идет о создании некоей модели социума и его специфических черт. Об этом идет речь в книге, представленной вашему вниманию. После ее прочтения становится ясно, почему Россия так и не стала в полной мере европейской страной, была и будет самобытным государством.

УДК 355/359

ББК 63.3

ISBN 978-5-906817-69-3

© Паршев А. П.

© Алисторус

Содержание

Л.В. Милов	6
Предисловие	6
Мачеха природа (тупик или развитие)	10
Механизмы выживания	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Леонид Милов

Почему Россия не стала Европой

© Паршев А.П.

© Милов Л.В., правообладатели

© ООО «Издательство Алгоритм», 2016

Л.В. Милов
Россия – социум особого типа
(из книги «Великорусский пахарь»)

Предисловие

Главной особенностью территории исторического ядра Российского государства с точки зрения аграрного развития является крайне ограниченный срок для полевых работ. Так называемый «беспашенный период», равный семи месяцам, фиксируется в государственной документации еще в XVII столетии. Иначе говоря, на протяжении многих веков русский крестьянин имел для земледельческих работ (с учетом запрета работ по воскресным дням) примерно 130 дней. К тому же из них на сенокос уходило около 30 дней. В итоге одנותягловый крестьянин (то есть имеющий семью из 4 человек) имел для пашенных работ около 100 рабочих дней. Для сравнения напомним, что в крупном (монастырском) хозяйстве в середине XVIII в. на десятину пашни (на все виды работ) расходовалось 59,5 чел. – дней и примерно столько же шло на гектар пашни в фермерских хозяйствах Севера Франции того же времени. Из них только на обработку земли тратилось 39–42 чел. – дня. Однако, делая такие затраты труда, французский фермер располагал десятью месяцами рабочего времени в год, а в Центральной России этот срок был вдвое меньше. Поэтому здесь только крупное феодальное хозяйство за этот срок, обладая возможностью концентрации барщинной рабочей силы для летних работ, могло выполнить весь минимально необходимый с точки зрения норм агрикультуры комплекс работ. Что же касается крестьянина, то он располагал в расчете на десятину пашни лишь 22–23-мя рабочими днями на все виды пахотных работ (а если он был на барщине, то временем, вдвое меньшим).

Отсюда идут все беды русского крестьянина: он мог нормально обработать лишь крайне небольшой участок пашни. Если же он должен был непременно его увеличить, то мог сделать это исключительно за счет сна и отдыха и за счет привлечения труда детей и стариков. Второй вариант расширения мизерной пашни мог быть реализован лишь за счет резкого снижения уровня агрикультуры (вплоть до разброса семян по непаханному полю), что вело к низкой и очень низкой урожайности, выпашанности почвы и постоянной угрозе голода, который в России был весьма частым гостем. Столь трагическая ситуация усугублялась тягчайшими условиями развития скотоводства, главным из которых был необычайно длительный (до 7 месяцев) период стойлового содержания скота, что требовало больших запасов кормов. А ведь период заготовки кормов буквально втискивался в напряженный и сжатый по времени цикл полевых работ и поэтому был крайне ограничен (20–30 суток). Отсюда горький парадокс российского Нечерноземья: обширные пространства, луга, перелески, а корма практически мало (и это в основном солома), поэтому и скота было мало, и удобрений для полей было очень мало, не говоря уже о пищевых ресурсах скотоводства, возможности сбыта его продукции и т. д.

Важнейшим следствием этих обстоятельств явилось широкое распространение с самых древних времен архаических приемов земледелия, становление не классического трехполья паровой системы земледелия, а некоей комбинации трехполья с периодическим забрасыванием пашни в перелог или залежь. Правда, наряду с этим наблюдается и многообразие и гибкость крестьянского опыта, его тонкий учет тех или иных местных специфических условий. В Нечерноземье важнейшим резервом крестьянского хозяйства были лесные, кратковременно используемые рощи.

Описанная ситуация сказывалась на всем укладе жизни великорусского пахаря, охарактеризовать который в сжатом виде можно как «мобилизационно-кризисный режим выживаемости общества с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта». Весь быт земледельца был пронизан стремлением к крайней экономии ресурсов и времени, что отчетливо отражает исследованный в книге характер жилища, одежды, пищи, психологии сельского жителя и т. д.

Дефицит рабочего времени в цикле полевых работ вытеснил такой вид земледелия, как огородничество и садоводство, в русские города. Статус посадского человека, горожанина позволял здесь резко повысить интенсификацию земледельческого производства, что очень рано способствовало развитию торгового огородничества и садоводства, становлению хитроумных технологий выращивания теплолюбивых культур в суровых условиях исторического центра России.

Названные выше обстоятельства и прежде всего объективно складывающиеся весьма ограниченные возможности интенсификации труда вели к тому, что урожайность в целом по стране колебалась вокруг минимального уровня «сам-3», несмотря на отчаянные усилия великорусского пахаря добиться повышения этого уровня. Наиболее показательно, что чистый сбор на душу сельского населения в 40-х годах XIX в. был равен в среднем 23,2 пуда, а в 50-х годах – 21,2 пуда. И даже в самом конце XIX в. душевой сбор в расчете на все население страны, включая картофель, был равен лишь 21,5 пуда (при тогдашней норме 24 пуда на человека).

Внешний и внутренний рынки зерна создавались лишь за счет «внутренних резервов» крестьянского двора, то есть жесткого ограничения потребностей людей. При этом в XVIII в. себестоимость продукции полеводства была примерно вдвое выше ее рыночной цены при идеально высоком уровне урожайности. А при реально низких урожаях себестоимость могла быть втрое и даже впятеро выше рыночной цены. И не случайно, что в таких условиях прирост населения страны в решающей своей части поглощался сферой земледельческого производства. Будучи сугубо экстенсивным, оно распространялось на всё новые и новые территории. Именно этот фактор лежал в основе многовекового движения русского населения на юг и юго-восток Европейской России, где были более плодородные земли, хотя и постоянно подвергавшиеся нашествию засухи.

Всё это, казалось бы, создавало условия для существования в этом регионе Европы лишь сравнительно примитивного земледельческого общества. Однако неумолимые, прежде всего геополитические, факторы, диктуя потребности более или менее гармоничного развития социума, вызывали к жизни и порождали своего рода компенсационные механизмы, и им в книге посвящен особый раздел.

Крайняя слабость индивидуального крестьянского хозяйства в условиях Восточно-Европейской равнины была компенсирована громадной ролью общины на протяжении почти всей тысячелетней истории русской государственности. Крестьянское хозяйство как производительная ячейка так и не смогло порвать с общиной, оказывавшей этому хозяйству важную производственную помощь в критические моменты его жизнедеятельности. Ограниченный объем совокупного прибавочного продукта в конечном счете создавал основу лишь для развития общества со слабо выраженным процессом общественного труда. Однако задача достижения гармоничного развития общества обусловила необходимость оптимизации объема совокупного прибавочного продукта, то есть его увеличения, как в интересах общества в целом, его государственных структур, так и господствующего класса этого общества. Однако на пути этой «оптимизации», то есть объективной необходимости усиления эксплуатации крестьян, стояла та же крестьянская община – оплот локальной сплоченности и средство крестьянского сопротивления этой эксплуатации.

Неизбежность существования общины, обусловленная ее производственно-социальными функциями, в конечном счете вызвала к жизни наиболее грубые и жестокие политиче-

ские механизмы изъятия прибавочного продукта в максимально возможном объеме. Отсюда исторически обусловлено и появление крепостничества как наиболее реальной для этого региона Европы формы функционирования феодальной собственности на землю. Режим крепостничества сумел нейтрализовать общину как основу крестьянского сопротивления. В книге подробно исследован на актовом материале XV–XVI вв. весьма не простой путь становления режима крепостного права как явления, порожденного не только ситуативными моментами (хозяйственное разорение, борьба за рабочие руки и т. п.), но и фундаментальными, непреодолимыми для феодального социума факторами (такими как природно-климатические условия, минимальный объем совокупного прибавочного продукта, неизбежность существования общины). В свою очередь, режим крепостничества в России стал возможным лишь при развитии наиболее деспотичных форм государственной власти – российского самодержавия, имеющего глубокие исторические корни. В итоге такого рода «оптимизации» объема совокупного прибавочного продукта режим крепостничества, в свою очередь, породил и компенсационные (патерналистского типа) механизмы выживания, которые тесно переплетались с общинными механизмами выживания.

Характерной особенностью российской государственности помимо жестокого политического режима власти является необычайно сильное развитие ее хозяйственно-экономической функции. Потребность в деспотической власти исторически лишь на ранних этапах была обусловлена политически (борьба с монголо-татарским игом, внешняя опасность, задачи объединения русских княжеств и т. п.). В дальнейшем этот режим существеннейшим образом был обоснован экономически. Ведь помимо функций изъятия прибавочного продукта и усиления эксплуатации земледельца, «государственная машина» была вынуждена форсировать и процесс общественного разделения труда, и прежде всего процесс отделения промышленности от земледелия, ибо традиционные черты средневекового российского общества – это исключительно земледельческий характер производства, отсутствие аграрного перенаселения, слабое развитие ремесленного и промышленного производства, постоянная нехватка рабочих рук в земледелии экстенсивного типа и их острое отсутствие в области потенциального промышленного развития.

Отсюда необычайная активность Русского государства в области создания так называемых «всеобщих условий производства». Это и строительство пограничных крепостей-городов, грандиозных оборонительных сооружений в виде засечных полос, строительство и организация крупных металлургических производств, огромных каналов, сухопутных трактов, возведения заводов, фабрик, верфей, портовых сооружений. Без принудительного труда сотен тысяч государственных и помещичьих крестьян, без постоянных своего рода «депортаций» в те или иные районы страны мастеров-металлургов, оружейников, каменщиков, купцов и т. п., наконец, без особого обширного государственного сектора экономики совершить это было бы просто невозможно. Следует подчеркнуть, что в условиях России и, в частности, исторически сложившейся ее огромной территории функционирование многих отраслей экономики без важнейшей роли ее государственного сектора, элиминировавшего безжалостные механизмы стоимостных отношений, было невозможно на всем протяжении российской истории.

Реализация всех этих функций феноменальна сама по себе, ибо минимальный объем совокупного прибавочного продукта объективно создавал крайне неблагоприятные условия для формирования государственной надстройки над компонентами базисного характера. Господствующий класс и так называемое неподатное сословие даже в петровскую эпоху составляли не более 6–7% от населения страны (к 1861 году этот процент был около 12 %). Основная часть этой группы являлась своего рода несущей конструкцией всей структуры самоорганизации общества, которая неизбежно носила упрощенный характер. И не случайно, что в силу этой упрощенности из функций самоорганизации общества в начале XVIII в. и в более ранние эпохи резче всего, помимо организационно-экономической, проявляли себя военная, кара-

тельно-охранительная и религиозная функции. А государственные рычаги управления уходили в толщу многочисленных структур общинного самоуправления города и деревни. Управленческая функция общины еще более усиливала ее как фактор господства общинных традиций в землепользовании, что в конечном счете необычайно сильно тормозило развитие частнособственнических тенденций в феодальном землевладении. Этот сложный и длительный процесс становления и укрепления феодальной земельной собственности так и не довел (вплоть до 1861 года) земельное владение дворянина до уровня полноправной частной собственности. Решающую роль в этом сыграли неистребимые традиции общинного землепользования, как, впрочем, и вся история русского народа и специфичность ведения сельскохозяйственного хозяйства.

Вместе с тем выдающаяся роль государства в промышленном развитии страны способствовала гигантскому скачку в развитии производительных сил страны, хотя заимствование «западных технологий» архаическим социумом дало вместе с тем и чудовищный социальный эффект в лице огромной категории рабочих, навсегда прикрепленных к фабрикам и заводам (так называемые «вечно отданные»).

В то же время чисто эволюционное развитие процесса отделения промышленности от земледелия в российских природно-климатических условиях имело в течение столетий лишь слабые ростки так называемых неадекватных форм капитала с присущим им относительно высоким уровнем оплаты труда, сочетающимся с господством поденной и краткосрочной форм найма и ничтожной возможностью капиталистического накопления (а, следовательно, и укрупнения мелкого производства). В работе исследованы основные отрасли хозяйства, в которых в период XVII – начала XVIII в. роль неадекватных форм капитала была весьма существенна. В силу этих обстоятельств в России в целом уровень промышленной прибыли на протяжении длительного исторического периода уступал по своим размерам торговой прибыли, а удачливые предприниматели-промышленники были, как правило, прежде всего купцами. Когда же во второй половине XIX в. капитализм в России стал быстро (по сравнению с прошлым) развиваться при активнейшем содействии государства, мелкое производство так и не получило широких масштабов развития; в стране очень рано и весьма стремительно стало развиваться в силу высокой стоимости всей инфраструктуры народного хозяйства прежде всего крупное промышленное производство (на начало XX в. составлявшее более 70 % предприятий), почти тотчас охваченное процессами монополизации. Думается, что природно-географический фактор и, в первую очередь, необъятное пространство России сыграли в этом деле далеко не последнюю роль.

Названные и рассмотренные в книге моменты, характеризующие особые черты российской государственности, были исторически неизбежны и породили в конечном счете своеобразие и самого русского общества, общества Великой России, с ее великой культурой и великим сосуществованием ее народов.

В силу различия природно-географических условий на протяжении тысячи лет одно и то же для Западной и Восточной Европы количество труда всегда удовлетворяло не одно и то же количество «естественных потребностей индивида». В Восточной Европе на протяжении тысячелетий совокупность этих, самых необходимых потребностей индивида была существенно больше, чем на Западе Европы, а условия для удовлетворения их гораздо сложнее и хуже. Стало быть, объем совокупного прибавочного продукта общества в Восточной Европе был всегда значительно меньше, а условия для его создания значительно хуже, чем в основных западноевропейских социумах. Это объективная закономерность, отменить которую человечество пока не в силах.

Мачеха природа (тупик или развитие)

Коварство нашей природы не ограничивается коротким сезоном сельскохозяйственных работ, оно в еще большей мере проявляется в том, что в России часто наблюдается полное отсутствие корреляции между затратами труда и получаемым урожаем. Конечно, низкие урожаи были следствием вынужденно низкой агрикультуры крестьянского земледелия, но в гораздо большей степени они были следствием капризов мачехи-природы.

Идеальная, по крестьянским понятиям, погода – это в меру теплое и влажное («благо-растворенное») лето. Но подобное лето – редкое событие. В Нечерноземье такие культуры, как пшеница (в том числе и пшеница-ледянка), греча, конопля, не вполне вызревали от недостатка тепла («требует более теплоты»). Кроме того, пшеница побивается «мглою», «от поднимающихся от болотных рос». Вообще в Нечерноземье «много вредят хлебу» «влажные пары, поднимающиеся от озер и болот».

Но особой бедой были и дождливая затяжная непогода, когда замедлялся рост растений, и нередкие засухи. На огромных пространствах, где преобладали глинистые, суглинистые и иловатые почвы, «в жаркое время делается на поверхности пашни корка, а в дождь... вода, непроходящая сквозь глину, отнимает... от хлебного корня влажность и умножает оную непомерно. От чего корень, лишаясь части питательных соков, производит тонкий стебель и мелкий колос».

Завершает этот сложный узел парадоксов обилие неплодородных и просто худых почв.

Столь суровые, неблагоприятные условия хозяйствования, действовавшие в течение многих столетий, безусловно, закаляли великорусов, превратив их в великую нацию тружеников. И там, где люди могли противостоять естественным законам природы, они проявляли не только упорный труд, но незаурядную изобретательность и находчивость.

Но совсем иное дело пашенное полевое земледелие. Здесь многовековая борьба великорусского пахаря с природой не давала такого эффекта, как в городском огородничестве с его хитроумными парниками, садами и т. п.

В этой связи весьма интересны наблюдения и оценки князя М.М. Щербатова – русского историка, экономиста, публициста, депутата Комиссии о новом Уложении, члена Комиссии о коммерции и президента Камер-коллегии. В 60—80-е годы XVIII в. он неустанно бьет тревогу по поводу кризисного состояния сельского хозяйства страны. В послевоенной историографии за М.М. Щербатовым прочно закрепилась слава заскорузлого консерватора, яркого защитника крепостничества, ретрограда и т. д. Между тем М.М. Щербатов был личностью далеко не столь однозначно примитивной. Он прекрасно знал европейскую литературу, в том числе и работы выдающихся представителей французского Просвещения, но при этом он хорошо знал реальное состояние страны, положение крестьян и сельского хозяйства в целом. Благодаря работам французских просветителей М.М. Щербатов обращал пристальное внимание на специфику природно-климатических условий России и губительное влияние их на состояние земледелия страны. Отсюда его резкая оценка эффективности труда земледельца как чрезвычайно низкой. Как знаток экономики земледелия и практик-помещик, он предпринял в одной из своих работ общую, хотя и приблизительную оценку эффективности земледелия страны. Численность ее населения была приравнена им к 18 млн душ обоего пола, то есть несколько занижена, ибо в момент этого расчета (конец 60-х годов) она была ближе к 23 млн душ обоего пола.

Число работников в земледелии М.М. Щербатов оценивает примерно в 3 млн чел., площадь, засеваемую каждым из них, в 6 десятин. При общем высеве в 96 млн четвериков (пудов) и урожайности не ниже сам-5 общий сбор ржи оценивается им в 480 млн четвериков ржи и 144 млн четвериков яровых, а чистый сбор в 504 млн четвериков. Из них на питание, исходя из расчета в 24 четверика в год на человека (24 пуда), ежегодно должно уходить 432 млн четвери-

ков. Остаток или излишек равен, таким образом, всего 72 млн четвериков, или по 4 четверика (пуда) на человека. Эта величина настолько ничтожна, что при малейшем снижении урожая населению страны угрожала нехватка зерна даже для минимальной нормы питания.

В расчетах М.М. Щербатова много неточностей, но они, так сказать, взаимно погашают друг друга (занижено число пахарей, но завышена площадь обрабатываемой ими пашни и т. д.). Приблизительность своих расчетов признает и сам М.М. Щербатов: «Независимо даже от преувеличения нами расчета в исчислении полученного продукта и преуменьшения в исчислении населения, в случае хотя бы незначительного недорода должен наступить голод».

В нашем распоряжении есть типичный бюджет 80-х годов XVIII в., сделанный «по расчислению нескольких лет на каждый год». Это бюджет крестьянина «посредственного состояния» с женою и двумя детьми, «живущего домом»⁴⁹. В год ему «потребно»:

1. На подати и расходы домашние и на избу и на прочее строение – 4 руб. 50 коп. с половиною.
 2. На подушный оброк за себя и за малолетнего своего сына – 7 руб. 49 коп.
 3. На соль – 70 коп.
 4. На упряжку и конскую сбрую – 1 руб. 95 коп. с половиною.
 5. На шапку, шляпу, рукавицы и проч. – 97 коп. с половиною.
 6. На земледельные инструменты и всякие железные вещи и деревянную посуду – 4 руб. 21 коп.
 7. На церковь – 60 коп.
 8. Для жены и детей – 3 руб.
 9. На непредвиденные расходы – 3 руб.
- Итого – 26 руб. 43 коп. с половиною.

Даже если из числа расходных статей исключить «страховой фонд» в 3 руб. и сократить расход на женщин и детей вполнину, то все равно останется сумма, даже не сопоставимая с доходами от продажи продуктов крестьянского хозяйства. По сравнению с реальными потребностями они выглядят просто смехотворными.

В конце концов, крестьянский двор беднел, хозяин его терял волю и упорство. Уровень реальной жизни большей частью, по-видимому, располагался между крайней бедностью и состоянием выживания, когда хозяин, применяя всевозможные «крестьянские извороты», поддерживал на плаву свой двор и семью. В конечном же счете речь должна идти о крайне низком уровне земледельческого производства в целом для Европейской России и в особенности для территории ее исторического ядра. Земледелие здесь практически едва осуществляло функцию простого воспроизводства.

Оценивая в целом возможности крестьянского хозяйства к концу XVIII в., А.Т. Болотов писал: «Крестьянство едва успевало исправлять как собственные свои, так и те работы, которые на них возлагаемы были от их помещиков, и им едва удавалось снабжать себя нужным пропитанием». «Крестьянин, не имеющий в своей семье работников, никогда не мог засеять свою пашню в способное время и для этого (из-за этого. – Л. М.) у него всегда был недород», «незажиточному крестьянину недоставало времени вспахать все свое поле», «имея одну негодную или две лошади, [крестьяне] с нуждою землю свою вспахать могут» – такие оценки давали основной массе крестьян XVIII в. современники.

* * *

Ситуация с развитием земледельческого производства в первой половине XIX в. была не лучше.

Первый же важнейший вывод буквально ошеломляет. Средний высев в пределах территорий русских губерний не только не увеличился, но, может быть, даже уменьшился (в 1802–

1811 гг. 5,54 чтв., а в 1841–1850 гг. 5,13 чтв.). За этими сухими цифрами стоит трагичная судьба русского крестьянства. Надо осознать, путем какого огромного напряжения сил нашему земледельцу доставалась каждая четверть зерна. И в XVIII веке, и много раньше сельскохозяйственная пора – это «страда», страдание, тяжелый надрывный труд. Ведь русский пахарь всегда работал на пределе своих возможностей. И тем не менее, шли десятилетия, а площадь высева в расчете на тягло оставалась та же.

В советской историографии все исходные данные, которыми мы оперируем, были известны, но на них смотрели только как на свидетельства губительного воздействия на экономику крестьянского хозяйства жесточайшего крепостного права. Один из образованнейших людей конца XVIII в., И.Г. Георги писал, правда, с известной долей лакировки, следующее: «Крестьянин каждый имеет собственность, не законом утвержденную, но всеобщим обычаем, который имеет силу не меньшую закона». При условии выплаты в той или иной форме ренты все, что «крестьянин вырабатывает или ремеслом своим достает, остается точно ему принадлежащим, тем владеет он во всю жизнь свою спокойно, отдает в приданое за дочерьми, оставляет в наследие своим сыновьям и родственникам по воле своей невозбранно. Без такой свободы и безопасности не мог бы крестьянин наживать по 100 тысяч рублей и более капитала. Собственность крестьянина состоит в его доме, имении, скоте и земле, сколько ему наделу с прочими той деревни крестьянами достанется, а приобретение его зависит от его рук, досужества, проворства и рачения».

Из слов этого современника, по крайней мере, следует, что, будучи «крещеной собственностью», крестьянин тем не менее оставался собственником жизненных средств. Но в отличие от промысловика, земледелец редко богател именно вследствие того, что земледелие в пределах исторического ядра Российского государства имело жестко ограниченные мачехой-природой рамки.

В предреформенное десятилетие, как уже говорилось, общая тенденция развития земледелия была связана со снижением производства. При этом в некоторых нечерноземных губерниях оно явно сопровождается переключением крестьян на промысловые занятия (в Московской губернии высева за 50 лет упали с 5,04 чтв. до 3,84 чтв. на тягло, в Пермской губ. произошло снижение с 5 чтв. до 3,56 чтв. на тягло). Видимо, то, же происходило и в Петербургской губернии, где к 1861 году высев упал до 2,16 чтв. на тягло. Однако весьма важно, что в главнейших местах сосредоточения крестьянской промышленной деятельности (в Тверской, Ярославской, Костромской, Владимирской, Калужской губерниях) высев не снизился, а кое-где несколько вырос, хотя и очень незначительно. Это обстоятельство весьма красноречиво, ибо оно свидетельствует о том, что в XVIII–XIX вв. процесс общественного разделения труда (отделения промышленности от земледелия) совершался в крайних, болезненных формах. Крестьяне переключались на промысловые занятия не потому, что в земледелии в итоге роста производительности труда, интенсификации агропроизводства появлялись излишние людские ресурсы, как можно было бы полагать, не зная материала. Напротив, сельскохозяйственное производство в Промышленном Центре России оставалось по-прежнему общественно необходимым, и общество нуждалось в этой продукции. Но крайне неэффективное земледелие не способно было прокормить земледельцев, и это толкало их в города, на каналы, на фабрики, способствовало возникновению крестьянского ремесленного производства. Товарный хлеб в России – это дар капризной Природы. И товарное зерно и винокурение – это в существеннейшей мере итог дальнейшего снижения уровня питания. Дореформенный рынок – это рынок продажи хлеба из нужды, хотя независимо от этих мотивов он служил ареной действия законов товарного производства.

После реформы 1861 года товарный рынок внутри страны и экспорт зерна по-прежнему росли в значительной мере за счет суровой экономии потребления. Еще в 1888 г. правительственная комиссия специального назначения фиксировала, что в России крупные и мелкие

хозяйства «стали продавать свои продукты в искусственно больших размерах, не руководствуясь ни положением цен, ни уровнем собственных потребностей».

Больше того, в связи с реформой 1861 г. положение крестьянства сильно изменилось. Произошло резкое обеднение основной массы крестьянства. Начался новый этап в истории русского крестьянства, этап развития капитализма, который обострил так называемое аграрное перенаселение. Однако перенаселение это было в стране, едва покрывающей своим зерновым производством самые необходимые потребности населения.

Подводя итог развития хлебного баланса страны, мы еще раз убеждаемся, что Россия была на протяжении многих веков обществом с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта. Низкий уровень агрикультуры, низкая и очень низкая урожайность, весьма упрощенный уклад жизни крестьянства, вечно борющегося за выживание, – все это находится, казалось бы, в очевидном противоречии с выдающейся судьбой Русского государства, поднявшегося в конце XIV в. на борьбу с золотоордынским игом и, пройдя через жесточайшие испытания, к концу XVIII столетия ставшего одной из самых могучих держав Европы.

Тем не менее в основе такого пути лежит специфика российского социума, заложенные в его социальной и политической структуре некие компенсационные механизмы выживания, позволявшие России, хотя и сравнительно медленно, с большими социальными издержками, двигаться по пути прогресса, имея на себе «вериги» вечной отсталости земледельческого производства.

В связи с этим представляется немаловажным попытаться раскрыть ряд особенностей исторического развития страны как общества, обладавшего из века в век лишь необходимым минимумом совокупного прибавочного продукта.

Механизмы выживания

На наш взгляд, в истории российского общества наиболее ярко проявили себя два главных компонента механизма «выживания» – община и система крепостного права. Причем, если первый из них действовал преимущественно на микроуровне (волостная, деревенская община), то второй существеннейшим образом определял характер и структуру общества в целом, одновременно являясь орудием эксплуатации.

Как известно, сельская община обладала феноменальной приспособляемостью к различным социальным условиям и к типам рент. Однако практически она всегда осуществляла и социальные и производственные функции посредством регулирования и управления механизмом перераспределения и использования наделной земли и удержания хозяйственно-бытового распорядка жизни. При всей мощи власти помещика-крепостника община и ее решения были необходимым компонентом вотчинной системы управления. Многочисленные для XVIII – начала XIX в. «наставления», «уложения», «учреждения», инструкции помещиков практически всегда предполагали право общины решать вопросы крестьянского землепользования и обеспечения тяглом, хотя помещик стремился направлять эти решения в своих интересах. В крупных поместьях, там, где формировались сложные общины, стремление деревенских общин сохранить за собой «свои» земли сталкивалось с политикой вотчинных управителей в реализации принципа уравнительности по имущественному состоянию крестьян путем систематической тягловой переоброчки. Однако при «уравнивании» деревень перераспределения угодий чаще всего носили «временный» характер, ибо традиция всегда числила за той или иной деревней «ее» владения. Впрочем, уже в XIX в., когда прибыль от продажи хлеба стала всепоглощающей целью барина, он не всегда уже останавливался перед незыблемостью этих традиций.

В обществе с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта, каким и была Россия, на первом месте безусловно стояла проблема увеличения объема этого прибавочного продукта. Но одновременно для господствовавшего класса не менее важна была задача удержания основной массы производителей от разорения и гибели вследствие и воздействия природно-климатического фактора, и объективно необходимого ужесточения эксплуатации. В этой связи проблема выживания крестьянского индивидуального хозяйства была актуальна и для общины, основное предназначение которой в этом и заключалось. Именно в силу этой причины и усиливались демократизм общины и ее власть на все категории земель.

Обращение к материалам помещичьих инструкций может дать вполне определенное представление о том режиме и механизме регулирования жизни и труда российских земледельцев, который в недавнем прошлом оценивался лишь как жесточайший режим крепостничества. Разумеется, такая оценка вполне справедлива, ибо крепостничество – это режим грубой и суровой эксплуатации крестьянина. Но вместе с тем подобный взгляд страдает и односторонностью.

Рассмотрим основные «зоны внимания» создателей названных инструкций, сосуществующие рядом с главной заботой помещиков: изъятием феодальной ренты в любых формах ее проявления. Во-первых, в ряде инструкций четко прослеживается борьба с бедностью. Поскольку parcelное хозяйство в России и его благополучие зависели от тысячи разного рода обстоятельств и случайностей, то оскудение и нищета были постоянной угрозой для крестьян. Эволюционируя многие столетия как почти чисто земледельческое общество, при слабом развитии процесса общественного разделения труда, российский социум (и прежде всего его господствующий класс) был крайне заинтересован в сохранении жизнедеятельности буквально каждого деревенского двора, ибо разорение крестьянина не переключало его в иную сферу производственной деятельности, а ложилось бременем на само общество. Заинтересо-

ванность в этом усиливалась низкой эффективностью земледелия, что, в свою очередь, постоянно обостряло нужду во все новых и новых рабочих руках.

Отсюда практически общий принцип верстания крестьян тяглом: «чтоб бедные тяглом отягчены не были». Наиболее дальновидные помещики почувствовали эту опасность еще при проведении первой ревизии. В частности, Артемий Волинский в инструкции Ивану Немчинову (1724 г.) писал: «И хотя ныне и учинена подушная перепись, и собираются подати поголовно, однако ж есть некоторые мужики в семьях многолюдны, а зело бедны, к тому ж и детей имеют малолетних, а другие, заводные, имеют у себя мало в семье мужеска полу. Того ради, есть ли не верстая их против тягол, а платить подати с голов так, что, у кого в семье есть мужеска полу, то, конечно, семьянистые и бедные в один год пропасть могут. А то [в итоге] подать вся ляжет на одних оставших. И тако и последние принуждены будут нищими быть, и, оставя свои дома, бежать». Вывод был однозначным: верстать не по мужским «головам», а по тяглам.

В инструкции Ивана Ивановича Шувалова управителю села Мыт Владимирской губернии проводится идея уравнивания на своего рода макроуровне (1795–1797 гг.): «Землю уравнивать так, чтобы одна деревня против другой не имела в излишестве земли и выплачивала бездоимочно за оную подать». Наконец, отметим, что и в инструкции, написанной от имени Екатерины II титулярному советнику Андрею Шестакову по управлению селом Бобрики с деревнями, что в Каширском уезде, сказано: «А крестьянские покосы отдать в раздел по тяглам... по равному числу, чтоб один перед другим обижен не был», да и тяглом здесь верстали «против одиноких ровно, по числу людей».

Стремлению помещика разверстать тягло не только по наличию мужских душ, но и по тягლოსпособности активно содействовала и крестьянская община своей системой мирского расклада тягла («переверстку тягол чинить с мирского приговора между собою, самим»). При этом действовала система круговой поруки или ответственности общины за неплательщиков. В Учреждении А. Румянцева механизм этой помощи выглядел следующим образом: «За нерачительными о себе (то есть «неумехами». – Л. М.) крестьяны первостатейным, соцким, пятидесяцким и десяцким накрепко смотреть, чтоб оные земель своих без посева не покидали, или исполу сторонним не сеяли и в прочем дом свой не разоряли, в котором случае за всякой неплатеж государственных и моих доходов взыскивать с тех первостатейных, соцких, пятидесяцких и десяцких. И для того за два месяца до севу ярового хлеба таковым осматривать и в случае настоящих невозможностей, в чем они не сами притчиною, именныя списки с прописанием, кому что по тяглу высевать потребно, представлять первостатейным и соцким к вотчинным делам... где ж, по усмотрению моему, из моего хлеба выдать прикажу».

По инструкции конца XVIII в. гр. В.Г. Орлова («Уложение» для с. Поречье Ростовского у.) вызволение бедных из нищеты возложено прямо на прожиточных: «Для облегчения бедных и маломочных наблюдать следующий порядок: с семейств их снимать приличное число «душ», а земли от них за снятые «души» отнюдь не отбирать, дабы они, пользуясь оною безо всякой платы, могли поправиться». «Кто владел землею на 3 «души» и положено будет снять с него «душу», или две, или все три, в таком случае владеть ему землею на одну или на две или на все три без всякой платы за нее. И сии снятые «души» накладывать на прожиточных... Сие облегчение сделать бедным не в одном моем оброке, но и во всех податях государственных, и во всех необходимых и чрезвычайных мирских расходах».

Конечная цель таких мер емко сформулирована в инструкции управляющим дворцовыми волостями (1731 г.): «дабы были крестьянские тягла людством и работою удовольствованы».

Важнейшим моментом в системе мер по выживанию были помещичьи ссуды натурою: зерном, скотом или птицею. Это не было со стороны помещика актом некоей благотворительности, так как через год или два ссуда возвращалась, а иногда и с прибылью. Однако данная вовремя ссуда позволяла выжить попавшим в беду крестьянам. Так, в инструкции Артемия

Волынского предписывается: «По вся годы (то есть в удобных, необходимых случаях. – Л. М.) свидетельствовать бедных мужиков, от чего он обеднял, а ежели не от лености, не от пьянства припала ему скудость, – таких ссужать хлебом всяким», «и когда потом поспеет хлеб, оной, данной ему, от него взять, а прибыль ему отдать». «И так во всех деревнях ссужать крестьян...» «Тако же хотя которые от своего непотребства и от лености обнищали, и тех ссужать. Однако ж – с наказанием, дабы впредь даром хлеба есть не повадно было».

В.Н. Татищев считал практику ссуд крестьянам обычным делом: «Крестьяном на племя давать корову, овцу, свинью, гусей пару, уток пару, индеек пару и чрез год с каждого тягла собирать масла 20 ф., барана кладеного, борова... птиц... или деньгами».

Наконец, в помощи бедным и оскудевшим крестьянам иногда помещик выступал вместе с крестьянской общиной. Например, в инструкции П.Б. Шереметева (и кн. А.М. Черкасского, 1719 г.) предусматривается помощь «оскудалым» крестьянам в следующей форме: «Которые крестьяне похищением воровских людей... или волею Божиею лошадьми и скотом опадут или каким-либо другим случаем придут в скудость... то велеть тою деревнею... всеми крестьянами вспахать и собрать... на семена и посеять ту, скудных, землю, дабы они, скудные, от того в пушую нищету не пришли... А где [деревня] менее 15 дворов... осеменить нечем... то дополнить тот сев ис пустовытного хлеба после беглых крестьян».

Весьма существенным направлением борьбы с бедностью являлся запрет вотчинником разделов крестьянских дворов. Как известно, одним из самых больших увлечений в советской историографии был поиск социального расслоения крестьянства. Причем не в XIX в., когда такое расслоение стало реальностью, а в гораздо более ранний период. Между тем, как мы видели, спецификой крестьянского общинного быта было неперемное распределение земли по «душам» и тяглам. При этом многолюдная семья (неразделенные братские и отцовские семьи) с большим числом работников (то есть крестьян-тяглецов) имела больше земли и в конечном счете имела шансы стать богатой. Да и бедная семья с большим числом детей (особенно мальчиков) с течением времени обретала солидное количество рабочих рук и также могла быть зажиточной. Однако, в конце концов, в силу тех или иных причин такие многолюдные крестьянские дворы с неразделенными семьями делились, превращаясь в несколько малых семей, одотяглых («одинаких») хозяйств.

Материал этой книги, надо полагать, с очевидностью показывает, что в условиях России и особенно Нечерноземья в XVIII–XIX вв. одотягловое хозяйство обречено было либо на прозябание, либо на разорение. Недаром большинство крестьянских дворов – это двух-, трех-тягловые хозяйства, где сосредоточено необходимое число рабочего и продуктивного скота и рабочих рук. При благоприятных обстоятельствах из таких дворов формировались зажиточные хозяйства.

* * *

Разумеется, не следует ни преувеличивать, ни преуменьшать роль крепостного хозяйства и помещиков в создании и регулировании механизма выживания. Существеннейшую часть таких функций несли сами крестьяне-общинники. Община регулярно помогала своим членам, попавшим в прорыв в силу различных обстоятельств. Древнейшую традицию имел в России обычай помочей с его принципом «все у всех», с поочередной отработкой на других помочах. Единственная награда за труд на помочах – завершающее угощение. Коллективная помощь в этой традиционной форме распространялась на все виды сельскохозяйственных работ (пахота, возка навоза, жатва, уборка льна, молотьба, сенокос, возка леса, дров, сборка и перевозка изб, постройка дома и т. п.).

Вместе с тем крепостное право играло важную роль в своего рода коррекции ментальных последствий влияния природно-климатического фактора на земледелие исторического ядра территории Российского государства.

Весьма сложные природно-климатические условия территории исторического ядра России, диктовавшие необходимость громадных трудовых затрат на сельскохозяйственные работы, связанных с высоким нервно-психологическим напряжением, имели своим следствием не только необычайное трудолюбие, поворотливость и проворность как важнейшие черты русского характера и психологии, но и особенности, противоположные этим качествам.

Отсутствие четкой взаимозависимости между мерой трудовых затрат и мерой получаемого урожая на протяжении столетий не могло не вызвать определенное чувство скепсиса и обреченности у части крестьян («на авось мужик и пашню пашет», «уродится не уродится, а паши» и т. д.), которые становились от этого отнюдь не проворными и трудолюбивыми.

В литературе XIX века не принято было активно обсуждать такие поведенческие особенности великорусского крестьянина, как небрежность в работе, отсутствие тщательности в ней и т. п. Между тем эта ментальность была заметным явлением, и прежде всего в среде барщинного крестьянства, то есть той категории населения страны, которая в условиях жесточайшей нехватки рабочего времени вынуждена была в первую очередь и в лучшие сроки работать на поле барина и в его усадьбе.

Приведем в пример одну из ярчайших, хотя и тенденциозных характеристик этой группы российских пахарей, написанную в середине XVIII столетия: «Должности (то есть должного уважения. – Л. М.) к государю (помещику. – Л. М.) и общей пользе не только не внимают, но и подумать не хотят. Лениость, обман, ложь, воровство будто наследственно в них положено... Господина своего обманывают притворными болезнями, старостию, скудостью, ложным воздыханием, в работе – лениостию. Приготовленное общими трудами – крадут, отданного для збережения прибрать, вычистить, вымазать, вымыть, высушить, починить – не хотят. В приплоде своего скота и птиц от неприсмотру поморя, вымышляя разные случаи – лгут. Определенные в начальство, в расходах – денег, а [в расходах] хлеба – меры не знают. Остатков к предбудущему времени весьма не любят и, будто как нарошно, стараются в разорение приводить. И над теми, кто к чему приставлен, чтоб верне и в свое время исправлялось – не смотрят. В плутовстве за дружбу и почести – молчат и покрывают. А на простосердечных и добрых людей нападают, теснят и гонят. Милости, показанной к ним в награждении хлебом, деньгами, одеждою, скотом, свободою, не помнят и вместо благодарности и заслуг в грубость и хитрость входят».

В свое время эти многообразные явления весьма емко были охарактеризованы как «социальные проявления антагонизма производственных отношений». Но здесь помимо проявления антагонизма ярко представлены и эмоции, и восприятия, и оценки крестьян и дворовых людей.

Главное же состоит в том, что в этой среде становилось заметным явлением и безразличное отношение к своему собственному хозяйству, безразличие к удручающей перспективе своей собственной жизни и жизни членов своей семьи. В условиях безнадежной нерентабельности продукции Нечерноземья данное поведение весьма логично. В этом гигантском регионе крестьянский труд всегда был и сверхнапряженным, и непривлекательным, так как, по словам кн. М.М. Щербатова, «худым урожаем пуще огорчается и труд [свой]... в ненависть приемлет».

М.М. Щербатов, вполне понимая, что большая часть тогдашней России лежит в зоне неблагоприятного климата, считал, что внезапная отмена крепостного права (речь шла об обсуждении в 60-х годах XVIII в. вопроса о крепостном состоянии крестьян) приведет к массовому оттоку крестьян, ибо они оставят неплодородные земли и уйдут в земли плодородные. «Центр империи, место пребывания государей, вместилище торговли станут лишены людей, доставляющих пропитание, и сохранят в себе лишь ремесленников...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.